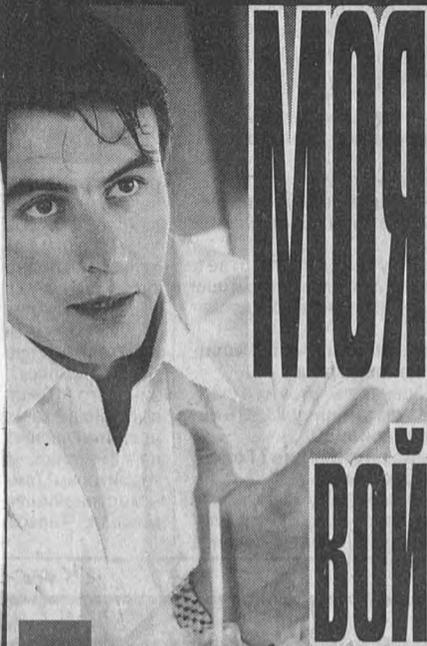
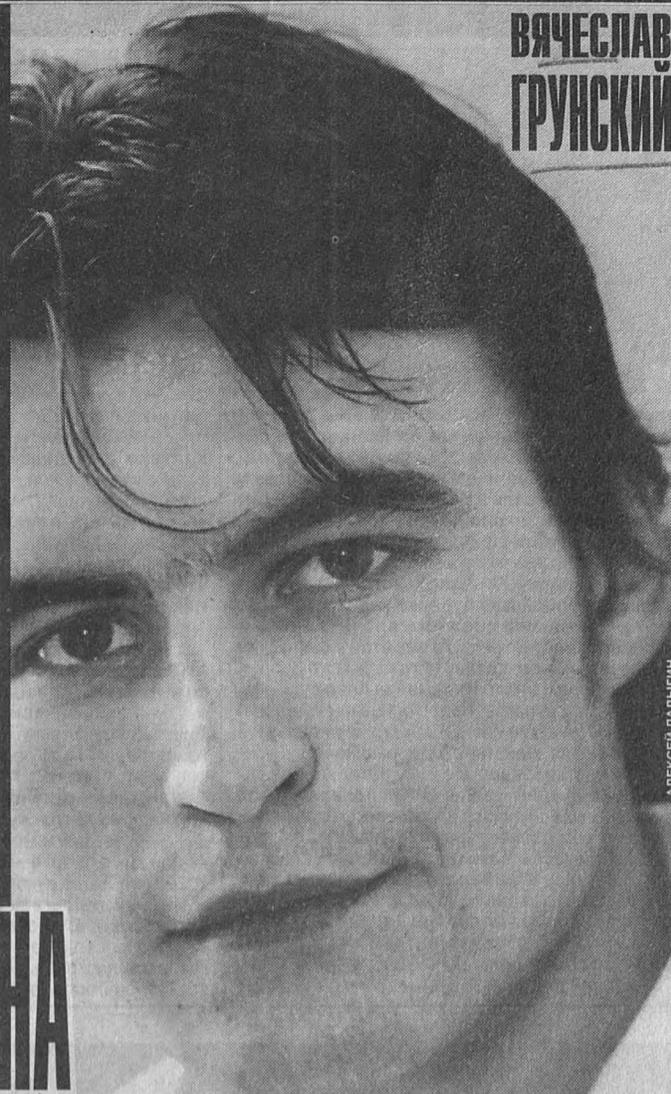

**ВЯЧЕСЛАВ
ГРУНСКИЙ**

Он отрубил военкором на НТВ 9 лет со дня основания. На югославской войне был лучшим нашим репортером. Но вот и Грунский пошел по проторенной дорожке: он оказался на РТР — здесь будет теперь работать вместе с другими экс-НТВшниками Мамонтовым и Хабаровым в программе “Специальный корреспондент”. И опять снимать о Югославии.

МОЯ ВОЙНА

АЛЕКСЕЙ ЛАДЫГИН

ЗАКОНЧИЛАСЬ

Почему ты ушел с НТВ?

— С НТВ меня не уволили — я ушел сам. Наверное, потому, что стало работать не так интересно. Мне кажется, что сейчас лозунг “Новости — наша профессия” на НТВ уходит в прошлое. Теперь это больше развлекательный канал.

— На РТР ты будешь получать больше?

— По деньгам я ничего не выиграл. Просто здесь я буду делать документальные фильмы.

— Ты пришел сюда и видишь “знакомые все лица”: одни бывшие НТВшники во главе с твоим бывшим начальником.

— Да, как будто вернулся в 93—94-й год, хотя атмосферу того НТВ уже повторить невозможно. И таких условий, которые тогда были у нас, уже не будет. Бывшие НТВшники теперь работают на всех каналах.

— Тебя считают “узким специалистом” по Югославии...

— В Югославии я оказался случайно: изучал на факультете журналистики сербскохорватский язык и одновременно на 4-м курсе появился на НТВ. И меня послали туда. Кроме этого, я был и на первой, и на второй чеченской войне, два раза в Афганиста-

— Не все это выдерживают, но ты ходил под пули?

— Люди, которые под пули лезут, не совсем нормальные. Бояться смерти — нормально. Да, я видел коллег, которые совершенно не могут находиться на передней линии фронта, но я их не осуждал. Вообще, у тележурналистов задача сложнее: мы отвечаем не только за себя, но и за оператора и звукооператора. Они больше всего рискуют. Оператор снимает войну и часто не видит, откуда исходит опасность. Поэтому моя задача на войне была прежде всего беречь оператора. А когда заблотишься о ком-то другом, не думаешь о себе.

— Хороший репортер обязан рисковать?

— Ситуацию заранее не просчитаешь. Когда едешь на съемку, думаешь одно, а когда попадаешь в пекло — понимаешь, что все получается не так. Тогда начинаешь работать на автомате. У нас нет второго шанса: если что-то пропустишь — это не повторится. И, естественно, приходится бросаться на амбразуру.

— Когда ты возвращаешься в столицу Москву, то чувствуешь себя героем и испытываешь ненависть к людям в “Мерседесах”?

— Солдаты, пришедшие с войны, действительно ожесточаются и считают, что весь мир против них. Они думают: как можно жрать и сладко спать, когда там идет война?! Я-то, наоборот, думаю: хорошо, что хоть где-то не воюют...

— За что тебя арестовали в Югославии?

— Если у нас в Чечне снимать можно было практически все что хочешь, то сербы очень жестко контролировали все подвезды к местам боев, даже несмотря на то, что мы из России. Во время бомбардировок Белграда работать было вообще невозможно, цензура просто лютвала. В итоге меня арестовали и выслали из Югославии именно за репортажи.

— Всем известна привязанность НТВ к Америке. Может быть, тебя выслали потому, что кто-то давал

НТВ установку освещать конфликт не просербски?

— Я никаких инструкций не получал. У меня не было задачи ни защищать сербов, ни оклеветать их. Наоборот, некоторые называли мои репортажи просербскими. А в югославском посольстве их считали проамериканскими. Я видел, как албанцы расстреливали в упор сербский патруль, — и рассказывал об этом. Я видел, как сербы уничтожают албанскую деревню, — и рассказывал об этом.

— Сейчас сплошь и рядом о Чечне рассуждают люди, которые там никогда не были. А такие, как ты, молчат.

— Ну, я же не Солженицын. В моем новом фильме есть человек, воевавший еще в Афгане, когда был СССР. Потом он воевал в Югославии. Он убил очень много людей. Теперь он женился на сербке, его война закончилась, работает при церкви, замаливает грехи. Но он мне рассказывал, что по ночам ему снятся глаза загубленных им людей. И то же самое мне говорили многие. Эти люди — моральные калеки. Война не может быть целью в жизни. Войну надо останавливать. Надо решать эти вопросы по-другому, но как — я не знаю. И, по-моему, никто не знает.

— Когда происходит трагедия, вроде катастрофы башкирского самолета, ТВ набрасывается на нее, как вороны на падаль. Вот за это, наверное, журналистов не любят.

— По секрету: телезрители очень любят журналистов. Когда приезжаешь на съемку, сначала все начинают нас ругать, отказываются сниматься, говорят: вы все врете... А пообщаешься с человеком 10 минут — и все меняется. Люди рассказывают больше, чем ты хочешь от них услышать. В Чечне солдаты тоже отказывались сниматься, говорили: все равно вы все смонтируете не так, — а потом вдруг разрешают снимать все, вплоть до того, где стоит пулемет. И становится понятно, что тебя любят и очень хотят попасть в кадр. От ненависти до любви — один шаг.

Александр МЕЛЬМАН.